

ИЗУЧЕНИЕ ФОРТИФИКАЦИИ ГОРОДИЩА ЗАГОРЦЫ В 2019 г.

Т.С. Бубенько
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Изучение древнейших поселений Витебского Подвинья проводится в рамках НИР «Культурно-историческое развитие Витебского Подвинья в I тыс. до н.э. – третьей четверти I тыс. н.э. в свете новых исследований в регионе» ГПНИ на 2021-2025 гг. Проведенные в ходе выполнения данного проекта исследования позволят определить культурную принадлежность населения, оставившего ранние городища, и определить место изучаемого региона в общем контексте восточноевропейской истории.

Цель статьи – введение в научный оборот новых материалов раскопок, позволяющих установить время возникновения древнейших укрепленных поселений в Витебском Подвинье.

Материал и методы. В основу статьи положены материалы исследований на городище Загорцы в 2019 г. При ее написании использовались методы, применяемые как в исторических, так и археологических исследованиях: сравнительно-исторический, типологический, исторической реконструкции и др.

Результаты и их обсуждение. Городище Степановичи – Загорцы локализовано в 2 км на восток от агрогородка Межа, справа от проселочной дороги на д. Степановичи, к которой памятник привязан и до которой 1,5 км. Оно расположено на одиночно стоящем холме среди заболоченной местности. Болото образовалось путем постепенного зарастания озера, остатки которого сохранились в виде родника с южной стороны холма. Площадка городища возвышается на 20 м над окружающей местностью, ее размеры 45 × 46 м. Склоны довольно крутые, крутизна составляет не менее 24 – 35°. Лишь южный склон более пологий, поскольку здесь, вероятнее всего, был расположен вход на поселение.

Памятник возле бывшей д. Загорцы известен с 1873 г. [1, с. 11]. В 1934 г. разведочные работы на поселении проводил А.Н. Лявданский. Судя по шифрам на керамике частично сохранившейся коллекции, исследователь заложил на площадке городища две траншеи и 11 раскопов. Из краткой публикации материалов известно, что в ходе проведенных работ были вскрыты остатки наземного жилища, получен довольно разнообразный вещевой материал, который позволил А.Н. Лявданскому отнести данное городище к древнейшим поселениям Витебского Подвинья [2, с. 222–223].

Спустя 85 лет в 2019 г. разведочные работы на городище были проведены автором статьи.

С целью исследования края площадки и поиска ранних укреплений в юго-западной части площадки был заложен шурф (4 × 2 м) и траншея размерами 3,5 × 1,0 м. Мощность культурного слоя в шурфе составила 0,6–1,0 м, в траншее она достигала 1,5–1,6 м.

В процессе исследования выделено три стратиграфических слоя: слой темно-серой окраски, в нижней части содержащий зольные включения; перемешанный слой серого цвета и желтого пылеватого песка, золы и углей, т.н. «пестроцвет»; слой светло-серой окраски, зафиксированный под насыпью вала.

Стратиграфический слой – 1 имел темно-серую окраску, в нижней части содержал зольные включения и угли. Вследствие распашки площадки в предвоенное время верхняя часть слоя на глубину 0,3–0,35 м имела более светлую окраску и рыхлую структуру, не содержала инородных примесей. Здесь найдено небольшое количество гладкостенной и текстильной керамики, несколько стенок со штрихами и фрагменты толстостенной посуды середины-третьей четверти I тыс. н.э.

Из индивидуальных находок встречено два глиняных битрапецидных пряслица и три костяные проколки.

Наличие зольных включений и угля в нижней части слоя – 1 следует связывать со сгоревшими укреплениями, остатки которых зафиксированы по склону площадки. Конструкции представляли собой стенку – брусвер из не менее чем трех горизонтально уложенных бревен диаметром 0,24 – 0,4 м. На нижнюю часть слоя приходится максимальное количество керамического материала, доля текстильной керамики в слое – 1 составляет 16,8%, штрихованной – 6,2%. Среди немногочисленных индивидуальных находок наибольший интерес представляет фрагмент литейной формочки из песчаника. В данном слое встречены два небольших камня – тёрочника.

Керамический материал шурфа и траншеи представлен лепной керамикой слабопрофилированной, реже баночной формы, среди которой выделен значительный процент фрагментов горшков с отпечатком текстиля (19%) и штрихованной (7,4%). Целых форм практически не встречено. Реконструировать удалось один гладкостенный сосуд с выраженным ребром в верхней части.

Стратиграфический слой – 2, т.н. «слой пестроцвета», состоящий из гумуса черного цвета, желтого материкового песка и значительных включений золы и углей. Это подсыпка внешнего склона оборонительного вала, мощность которой колеблется от 0,28 м на гребне до 0,5 м на склоне площадки. Присутствующие в слое – 2 тончайшие линзы стерильного желтого песка, позволяют высказать предположение о не менее чем двух подсыпках насыпи. В результате проведенных работ ширина вала в основании достигала не менее 7–8 м при высоте насыпи 0,9 м. Крутизна внешнего склона вала не превышала 20°.

В подсыпке собрано значительное количество керамики, среди которой, по-прежнему, значительный процент составляла текстильная посуда (30,9%), гораздо меньше – штрихованная (8,8%). По форме и декору текстильные горшки аналогичны сосудам из нижнего слоя городища Дьяково [3, с. 143].

Описанная подсыпка перекрывала сверху слой пожарища, в котором встречены сгоревшие деревянные конструкции, относящиеся к первоначальным оборонительным укреплениям.

Ниже слоя пожара зафиксирован небольшой по высоте оборонительный вал (0,3–0,4 м) из пылеватого желтого песка желтого с незначительными включениями гумусированных прослоек серого цвета. Ширина вала была не менее 5,5–6,0 м, угол крутизны внешнего склона – 31°. В насыпи вала встречаются незначительные включения древесного угля и золы, поверхность насыпи мощность зольно-угольной прослойки достигает 6–10 см. В разрезе траншеи на гребне и по склону фиксируется несколько ям от столбов, также заполненных зольным слоем. Расстояние между столбами 0,4–1,0 м. Вероятнее всего, это остатки нескольких линий частокола, некогда идущего по гребню вала и с внешней стороны укреплений. Укрепления, судя по мощности слоя над насыпью вала, просуществовали недолго.

В зольной прослойке на насыпи вала встречен бронзовый пластинчатый браслет с сужающимися концами, изготовленный из тонкой пластины шириною 6,5 мм. Подобные изделия появляются в бронзовом веке и имеют широкие и территориальные рамки, что не позволяет использовать их в качестве хронологического индикатора.

Среди керамики, по – прежнему, преобладает гладкостенная посуда, текстильные сосуды встречается крайне редко. Среди черепков с отпечатком текстиля следует упомянуть фрагмент архаичного горшка с тычковым орнаментом, полная аналогия которому встречена на поселении Царицино – 1 в слое рубежа бронзового и железного веков [4, с. 68].

Радиоуглеродная дата зольного слоя, соответствующего времени гибели раннего оборонительного вала, 1790 ± 25 календарных лет, калибровочная дата 214–338 гг. н.э.¹

Стратиграфический слой-3 зафиксирован под насыпью вала. Это слой светло-серой окраски незначительный по мощности (0,2–0,3 м), который выклинивается к краю площадки. Структура слоя плотная, инородные примеси отсутствуют. В древнейшем слое найдено несколько фрагментов лепной керамики, в том числе венчик от сосуда баночной формы со сквозным отверстием ниже верхнего обреза, фрагменты стенок, украшенные глубокими прочерченными линиями, штрихами и текстилем. Из прочих находок из нижнего слоя следует упомянуть небольшой каменный топор грушевидной формы с конусообразно сужающимся обухом. Нижняя часть его подшлифована, край заполирован. В.И. Шадыро проводя параллели с топорами Прибалтики и лужицкой культуры, датирует подобные топоры концом бронзы – ранним железом [5, с. 33,].

Радиоуглеродная дата верхней границы стратиграфического слоя – 3 (под насыпью первоначального вала) 2140 ± 25 календарных лет, калибровочная дата укладывается в диапазон 348–53 гг. до н.э.

Закключение. Таким образом, в процессе проведенных работ получен новый материал, который позволяет отнести городище Загорцы к древнейшим поселениям Витебского Подвинья и предварительно датировать его последней четвертью I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э.

¹ Анализы выполнены в лаборатории РАИМК (С.-Петербург), лаб. шифр Ле-12122.

1. Сведения 1873 г. о городищах и курганах // Известия Императорской археологической комиссии. – Выпуск 5. – С.-Пб., 1903. – С.1–96.
2. Ляўданскі, А.М. Археалагічныя доследы ў БССР у 1933-1934 гг./ А.М. Ляўданскі, К.М. Палікарповіч // Запіскі Беларускай Акадэміі навук. – Кн. 5. – Менск. – 1936. – С. 211–223.
3. Кренке, Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. / Н.А. Кренке. – М.: ИА РАН, 2011. – 548 с.
4. Кренке, Н.А. (сост.) Археология парка Царицыно: По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. / Н.А. Кренке и др. – М.: ИА РАН, 2008. – 364 с.
5. Шадыро, В.И. Ранний железный век северной Белоруссии / В.И. Шадыро. – Мн.: Наука и техника, 1985 – 126 с.

КУРДСКИЙ ВОПРОС И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ТУРЦИИ

*Н.В. Величко, И.О. Лузгина
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В настоящий момент в Турецкой Республике действует порядка двадцати политических партий, из которых девять являются наиболее крупными. Курдский вопрос, один из острейших внутривнутриполитических в стране, является предлогом для определенных действий данных партий, а умелое манипулирование им позволяет получать поддержку части населения. Турецкие партии на разных этапах своей деятельности использовали курдский вопрос в качестве трамплина, позволяющего им получать голоса избирателей для прохождения в Меджлис. Некоторые из этих партий обещали разрешение курдского конфликта, приобретая голоса населения юго-востока страны, а другие – не признавали проблемность курдского вопроса, стремясь получить голоса националистически настроенной части населения.

Цель исследования – определить отношение основных турецких политических партий к курдской проблеме.

Материал и методы. При проведении исследования были использованы предвыборные программы турецких политических партий, в которых дается видение курдской проблемы, а также текст Конституции Турецкой Республики, в котором представлена официальная характеристика национального вопроса в стране. Основными методами, использованными в исследовании, являлись историко-системный метод, описательный метод и метод исторической ретроспекции.

Результаты и их обсуждение. На сегодняшний день наиболее значимой партией в Турции является правящая Партия справедливости и развития (ПСР), возглавляемая Р.Т. Эрдоганом. Для этой партии курдский вопрос является одним из основных, отношение к курдскому населению с ее стороны весьма неоднозначное. Если в начале 2000-х гг. предпринимались определенные попытки компромисса и переговоров с курдскими представителями и даже был принят пакет реформ, то к концу 2010-х гг. ситуация стала диаметрально противоположной [1, с. 53–54].

С одной стороны, этому способствовало «замораживание» процесса евроинтеграции Турции, в котором курдский вопрос играл практически определяющую роль, а с другой – стремления Р.Т. Эрдогана получить голоса националистически настроенной части избирателей и сгруппировать вокруг себя партии национального и националистического толка, популярность которых в Турции стала возрастать.

Такое сотрудничество для многих было странным, поскольку изначальная политическая база ПСР была далека от националистической. Созданная в 1969 г. А. Тюркешем Партия националистического движения (ПНД) была яркой антикоммунистической и антикапиталистической политической организацией. Исходя из этого, речи о создании какой-либо курдской автономии или даже о признании курдов со стороны этой партии быть не могло. Сотрудничество нового руководителя партии Д. Бахчели с Р.Т. Эрдоганом связывают именно с антикурдской политикой последнего в 2010-е гг. Националистическая партия Турции придерживается принципов унитарного государства и пантюркизма, а также ярых антикурдских позиций. В 2000–2013 гг. ей проводились многочисленные антиправительственные и антикурдские митинги и манифестации, а ее молодежная организация «Серые волки» провела ряд вооруженных нападений на курдские организации. После начала сотрудничества ПНД с Р.Т. Эрдоганом в 2015 г. поддержка данной партии увеличилась практически на 2 млн голосов.

В период активизации деятельности ПНД в Турции левыми организациями и объединениями в 2012 г. была создана оппозиционная «Демократическая партия народов» (ДПН).